

ЭСФОРУМ

№ 4 (45) октябрь, 2015 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗНАКОМИМСЯ.....2

«Социология есть даже там, где она так не называется». Интервью с Кириллом Гавриловым

УЗНАЕМ.....6

Репрезентация женского тела в современной йоге: новая феминность, технологии власти и технологии себя

УЧИМСЯ.....13

Летняя экономико-социологическая школа «Академические стратегии в трансформирующемся университете» – 2015

ШУТИМ.....18

Социология это...

Уважаемые читатели!

Немногие социологи готовы согласиться с излюбленным тезисом экономистов о том, что человек устойчиво следует своим интересам. Однако в октябрьском номере «ЭСФорума» мы не хотим пускаться в привычные междисциплинарные споры, а напротив, настроены всецело поддержать экономическую точку зрения, с одной небольшой оговоркой: главное, чтобы эти интересы у человека были, ведь очевидно, что это один из самых сложных моментов жизненного пути – определить, в чем состоят собственные интересы, и понять, к чему лежит душа. На страницах нашего бюллетеня представлены материалы авторов, которые, похоже, успешно справились с подобной задачей.

В рубрике «Знакомимся» представлена беседа с доцентом кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ Кириллом Гавриловым, в которой он рассказывает о своем профессиональном увлечении рискологией. Почему он начал заниматься изучением рисков? Какие темы в области социологии рисков его интересуют? Каким образом происходил его переход от теоретических размышлений о риске к эмпирическим исследованиям, и обратно? Ответы на эти вопросы он дает в интервью.

В рубрике «Узнаем» опубликовано эссе Екатерины Ковалевой, магистрантки департамента социологии НИУ

ВШЭ, и Марины Спириной, магистрантки департамента социологии и стажера-исследователя ЛЭСИ НИУ ВШЭ, направленное на объяснение популярности йога-практик среди российских женщин. Авторы задаются вопросами о том, каким образом женское тело репрезентируется йога-школами в современной России и в какой степени эти репрезентации соответствуют традиционным кодам феминности, которые поддерживаются в массмедиа.

В рубрике «Учимся» помещен репортаж Тамары Кусимовой, студентки департамента социологии НИУ ВШЭ, о пятой летней школе ЛЭСИ. В 2015 г. она была посвящена построению индивидуальных академических стратегий сотрудников лаборатории в условиях внешней турбулентности. Одним из важных результатов выездной школы стало осознание того, что в Лаборатории экономико-социологических исследований собрались те, кто не сойдет с пути своих профессиональных интересов ни при каких обстоятельствах.

В рубрике «Шутим» предложена серия любовных записок «Love is...», в которых рассказывается о том, на что приходится идти тем немногим, кто испытывает страсти к социологии.

С пожеланиями интересного чтения!
Создатели «ЭСФорума»

«Социология есть даже там, где она так не называется»

Кирилл Гаврилов

кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ

– Кирилл, нам очень интересен ваш опыт исследовательской работы в области социологии рисков. Концепты риска и неопределенности актуальны для экономико-социологических проектов. Вы же работаете с ними с точки зрения анализа социальных институтов. Расскажите, пожалуйста, как случилось, что вы начали заниматься социологией? И почему именно проблемы риска стали предметом вашего интереса?

– Социология для меня – давняя история, так исторически сложилось... Чуть ли не со школы она была моей специализацией. Хотя, конечно, определяющую роль сыграло мое поступление в Институт социологии ГАУГН (при Институте социологии РАН). Обучение там было неотделимо от того, что происходило в самом Институте социологии РАН. Его сотрудники вели у нас занятия, и потом привлекали нас же к своим исследовательским проектам. Собственно, тогда я и познакомился с социологией риска. Причем никто курса по социологии риска нам не читал, но получилось так, что мне А.В. Мозговая – мой будущий научный руководитель – предложила поучаствовать в одном российско-шведском проекте, в рамках которого анализировалось, как в российской прессе преподносятся различные кризисы и риски.

И вот тогда я впервые эту тему почувствовал. Более осмысленный интерес к риску появился позже, в институте же скорее было шатание из стороны в сторону, от темы к теме, как это обычно бывает. Первым порывом было эмпирически изучить риск с разных сторон. И в первой анкете, которую я придумал, было столько вопросов о рисках, что они были распечатаны на нескольких листах формата А3. Конечно, стало ясно, что даже студенты такую длинную анкету не осият. В общем, не было какой-то сфокусированности. Когда только начинаешь заниматься темой, тебе все интересно, все хочется изучить. Несколько позже произошел достаточно серьезный переход от эмпирического подхода к теоретическим размышлениям, это случилось на фоне интереса к социологической теории как таковой. Так потом родилась кандидатская диссертация. Было интересно понять, как соотносятся частные теории и эмпирические исследования рисков и социология в целом, с ее моделями объяснения и сложившимися парадигмами. Здесь важно упомянуть, что социология риска изначально развивалась скорее в ответ на эмпирические задачи и проблемы, как теоретическое направление она оформилась позднее.

– Когда проблемами рисков в социальной теории начали заниматься всерьез?

– На этот вопрос достаточно сложно ответить. Например, в 1998 г. Ортвин Ренн, один из ведущих междисциплинарных исследователей рисков, написал, что исследования рисков появились где-то в 1950–1960 годах, в связи с дискуссией о потенциальной опасности ядерного оружия и атомных электростанций, позже – ядерных отходов и других нововведений¹.

¹ Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. № 1. С. 80–99.

– Я где-то читала, что гибель «Титаника» стала событием, спровоцировавшим дискуссию о рисках.

– Да, но события с «Титаником» датируются более ранним временем. Ренн же к «нулевым» годам говорит о тридцати годах истории таких исследований. В это же время, например, О.Н. Яницкий полагает, что им около 100 лет². То есть точки отсчета достаточно разные. Но мне кажется, что междисциплинарно риск изучается все же с 1960–1970 годов. Крупные теоретические работы, которые осмысливают общество как общество риска, вышли в 80-е годы XX в. Эти труды всем хорошо известны, и они появились приблизительно в одно время. Я имею в виду, например, Ульриха Бека с его книгой «Общество риска»³, которую, к слову, он написал в 1986 г., а известность она обрела лишь после ее перевода на английский язык в 1992 г. Вторая работа, вышедшая примерно в то же время, за авторством Дугласа и Вилдавски «Риск и культура»⁴. В начале 1990-х годов опубликовал работу «Риск»⁵ и Никлас Луман. До появления этих монографий исследования рисков были локальными и эмпирическими. Наибольшим влиянием пользовалась психометрическая парадигма, развивающаяся на стыке социологии и психологии. Но в ней было очень мало теории. Скорее обсуждались возможные опасности, с которыми сталкиваются жители современного общества: от мостов, велосипедов и железных дорог до атомных электростанций и авиаперелетов. И несчастные респон-

² Яницкий О.Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.

³ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. L.: Sage: 1992.

⁴ Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1982.

⁵ Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1993.

денты по двадцати шкалам все эти опасности ранжируют. Насколько этот риск представляет опасность лично для вас? Насколько он известен науке? Потом делается факторный анализ. Подобные исследования начались с конца 1960-х годов, осмысление результатов этих работ датируется скорее 1980-ми годами. Основной, кто эти исследования продвигает, это Пол Словик, который как раз в 1980-е написал статью в журнале «Science»⁶, где задался вопросом, а что мы изучаем, и предположил, что изучаем субъективное восприятие риска. Таким образом, есть традиционный подход к риску, в соответствии с которым риск – это часть реальности, которая описывается объективно, как величина каких-то последствий или величина ущерба, которая может быть измерена финансово или в количестве погибших людей, а с другой – вероятностью возникновения этих событий. И то, что происходит, начиная как минимум с 1980-х годов, – это признание социальными науками недостаточности такой трактовки. Сейчас это уже рефлексия, я не уверен, что она реально соотносится с тем, что было, это скорее какая-то реконструкция. Вероятно, имело место движение в сторону конструктивистского социального подхода, который, в общем-то, доминирует в настоящее время в социальных науках в целом. И социологи сегодня говорят о том, что риск – это, по большей части, социальный конструкт, что важно его субъективное измерение, что могут иметь место различные интерпретации. И главный вывод моей диссертации как раз и состоял в том, что исследователи, которые и до 1990-х годов говорили о риске, невольно касались социологических тем, даже если сами они не были социологами. И сегодня, хотя социология уже внесла свой вклад в анализ риска, до конца не удается понять, что же это за наука – социология риска. Я, если честно, не знаю, что такое социология риска. Мне ближе понятие рискологии как области всевозможных исследований, где используют термин «риск».

⁶ Slovic P. Perception of Risk // Science. 1987. Vol. 236. Pp. 280–285.

– *Точнее будет сказать «теория риска»?*

– Я предпочитаю говорить о социологическом дискурсе о риске. Повзрослев в стенах Академии наук, я привык соблюдать дисциплинарные границы. Хотя в целом, в рамках российской традиции, которая предполагает, что есть социология, у которой есть четко свой объект-предмет, я не очень-то уютно себя чувствую. И в этом плане диссертация как раз была призвана показать, что социология есть даже там, где она так не называется.

– *Ваша кандидатская диссертация была теоретической?*

– Да, была чисто теоретической и называлась «Социологическая реконструкция основных подходов к концептуализации восприятия риска». Потому что оказалось, что есть некая разница между риском как таковым, риском как частью реальности и тем, что можно назвать восприятием риска. Причем восприятие я понимаю не психологически, а скорее социологически, имея в виду, что есть субъекты, которые определенным образом реагируют на эту реальность⁷. И именно здесь происходит самое интересное для нас как для социологов.

– *Защитив теоретическую диссертацию, вы занялись эмпирическими исследованиями восприятия риска?*

– По-прежнему доминирует принцип маятника, который туда-сюда качает. Потому что, написав диссертацию, ты надеешься, что сказал какое-то важное слово, а потом оказывается, что и параллельно с тобой, и раньше, и глубже, и интереснее похожие слова заявили и другие. И, например, один из самых таких современных перспективных и относительно молодых исследователей, работающий в Австралии, Йенс Зинн, незадолго до моей диссертации задавался приблизительно теми же вопросами: а что, собственно, внесла социология в изучение

⁷ Zinn J.O. Introduction: The Contribution of Sociology to the Discourse on Risk and Uncertainty // Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction / Ed. by J.O. Zinn. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. Pp. 1–17.

рисков. И у него получилось ответить даже интереснее, подметив те дискурсы и термины, которые были привнесены исследователями из области социальных наук. Например, дискурсы о рациональности, о знании, о ценностях. Мой подход был в большей степени теоретическим, его же идея прозрачнее.

– *Какие именно сюжеты оказались для вас основными?*

– Если говорить про теоретические сюжеты, то сейчас вопрос, который меня занимает, – это связь между концептами риска и ответственности. В социологии риска повсеместно отмечается, что риск и ответственность как-то связаны. Но, на мой взгляд, здесь есть, над чем подумать, потому что связь эта далеко не простая. Все сильно зависит от того, как мы понимаем риски, как понимаем ответственность, и потому есть много комбинаций. На эту тему я думаю, и уже не только теоретически, но и эмпирически. Теория связывает само понятие риска с принятием решений. Там, где есть принятие решений, рискованные альтернативы, возникает риск. Здесь же появляется и понятие ответственности. Мы берем на себя ответственность за последствия, которые могут проявиться. Но есть и прямо противоположный смысл: если мы говорим о риске не в контексте принятия решения, а риске как о некоторой вероятности, в том смысле, что некоторые вещи происходят с некоторой вероятностью, т.е. наводнения случаются, автомобили сталкиваются, люди умирают, и все это есть часть естественного закона. Тогда получается, что мы наоборот имеем напряжение между риском и ответственностью. Никто не виноват, что наводнение случилось или урожай пал. Потому что это часть порядка, а потому и не вопрос ответственности...

– *В такой постановке вопрос кажется созвучным тому, как он обсуждается в обществе.*

– Он, безусловно, созвучен и тем эмпирическим исследованиям, которые проводятся. И, например, упомянутое уже психометрическое направление включает в свой длинный

список параметров те, которые операционализируют контроль, а значит, косвенно, и идею ответственности. И на уровне предварительного исследования я тоже увидел, что важной составляющей темы риска является то, что потенциально есть акторы, которые за что-то в этом контексте ответственны. То есть сам факт, что некоторые акторы в принципе ответственны, и что они способны контролировать, может влиять на то, как мы воспринимаем риск как таковой. Нельзя сказать, что там, где имеется риск, всегда есть ответственность. Мы имеем прекрасную фразу Бека о «коллективной безответственности». Современные риски все более сложны, и часто никому из акторов нельзя атрибутировать индивидуальную ответственность. Однако, как показывают социальные психологи, мы все равно приписываем эту ответственность конкретным акторам. И это, кстати говоря, тоже серьезное исследовательское направление, из которого я черпаю свое вдохновение. Социальные психологи много знают о том, как работает это приписывание ответственности, кому мы и за что ее приписываем.

– *В смысле, если что-то прошло хорошо, мы записываем это в личные заслуги, если плохо – ставим негативный результат кому-то в вину?*

– Да! И особое значение для меня имеют сюжеты о том, как оценивается ответственность коллективных акторов. Современные риски по большей части не производятся отдельными субъектами. Например, я веду проект, изучающий восприятие ответственности в контексте террористической угрозы. Он начинался с того, что мы с коллегой из ИС РАН пытались понять, каким образом можно изучать теракт не опросными методами, а используя нереактивную методологию, то есть анализ текстов. И, пытаясь нащупать более продуктивную методологию, мы увидели, например, что могут возникать несоответствия между данными текстов, которые производят специально или не специально, и тем, что люди говорят о тех же терактах в интервью, отвечая на вопросы. Например, год назад были теракты в Волгограде.

Мои студенты писали эссе по поводу этих терактов, а потом я через некоторое время попросил их ответить на вопросы. Результаты неоднозначные. Конечно, акторы, фигурирующие в этих отчетах, совпадают, но то, как люди судят об их ответственности, по-иному выражается в текстах по сравнению с тем, когда я прямо задаю им вопрос. Интересный феномен, который мы открыли и изучали по кейсу Домодедово, это, как я их называю, «невинные террористы». Так, большинство блогеров, как оказалось, на террористов явным образом вину за то, что происходило в Домодедово, не возлагают.

– *Как это можно объяснить?*

– Я интерпретирую это так: нет смысла говорить об очевидном. То есть зачем обвинять террористов, которые это совершили? Давайте обсудим власть, которая допустила, спецслужбы, которые не проконтролировали, и прочие вещи. Когда ты напрямую спрашиваешь, то да, конечно, они виноваты. Но из текстов это явно не следует. Этот факт остается на периферии. В результате появляется возможность поискать объяснение в теории. Например, с одной стороны, есть соображения Мэри Дуглас о том, что мы живем во вселенной, в которой все политизировано, где нейтральные события обязательно кому-нибудь нужно приписать. Это, похоже, работает. С другой мы видим эмпирические исследования психологов, которые показывают, что да, есть такие акторы, которым приписывают ответственность, каким-то в большей, каким-то в меньшей степени, то есть они – благодаря тому, что являются носителями различных образов – оказываются в наших глазах более или менее виновны. И это целый водоворот соображений, в котором еще предстоит разобраться.

– *Из того, что вы рассказываете, следует, что междисциплинарный заход в тему риска оказывается просто необходимым. То есть без междисциплинарной стыковки не удастся увидеть противоречий фактически.*

– Да, дискурс о риске развивается как междисциплинарный, и он изна-

чально был таковым. И иногда это представляет некоторую проблему. Потому что подчас междисциплинарность понимается как суммирование идей из разных научных направлений. Но в результате такого подхода зачастую получается, что все об этом что-то писали. И мне кажется, что сегодня ни в социологии риска, ни в рискологии не хватает всеобъемлющих фреймворков (*frameworks*), интегрирующих теорий. Хотя не исключено, что время таких глобальных работ, как «Общество риска», просто уже прошло. Если бы мне задали вопрос о перспективах теории риска 10 лет назад, я бы сказал: «да, конечно, мы сейчас построим единую теорию, все будет объяснено». Теперь я думаю, что нет. По крайней мере, если говорить о тенденциях, то есть какое-то ощущение, что исследования риска сейчас выстраиваются в сторону снижения уровня абстракции, они больше озабочены реальными проблемами и задачами. Так, содержание сессии, организованной на ежегодной встрече Европейской социологической ассоциации сетью по изучению риска и неопределенности, явно показывает, что теоретических докладов практически нет. Даже полноценный теоретический стрим (*stream*) не удалось собрать. То есть там было подано буквально полтора доклада. Один из них, к слову, – это доклад Йенса Зинна, который рассуждает о том, что есть риск в контексте вопросов, связанных с добровольностью и риском⁸. И это в какой-то степени созвучно моим размышлениям о риске и ответственности. Если еще говорить о трендах, то можно отметить уход от риска в сторону риска и неопределенности. Показательно, что в начале 1990-х годов один из первых сборников в социальных науках так и назывался: «Социальная теория риска»⁹. Спустя почти 20 лет появляется работа других авторов под заголовком «Социальная теория риска

⁸ Zinn J. Towards a Better Understanding of Risk-Taking: Key Concepts, Dimensions and Perspectives // *Health Risk and Society*. 2015. Vol. 17. No. 2. Pp. 1–16.

⁹ *Social Theories of Risk* / Ed. by S. Krinsky, D. Golding. L.; N.Y.: Praeger, 1992.

и неопределенности»¹⁰. Это не случайно: кажется, что есть некоторый общий тренд, свидетельствующий о том, что неопределенность является более широким понятием, тогда как риск выступает одной из форм взаимодействия с этой неопределенностью. При этом риск понимается достаточно узко в смысле вероятности. Есть неопределенность, а риск – это только одна из форм адаптации, приспособления, взаимодействия с этой сложной всеобъемлющей неопределенностью. Иными словами, мы наблюдаем размытие самого понятия риска: может быть риск, запятая, неопределенность. Получается, что риск тождествен неопределенности, а если так, то дальше можно перечислять: риск, неопределенность, опасность, катастрофа. Вероятно, это просто естественно для такого направления, которое имеет во главе такое красивое слово, как риск. Потому что все больше исследователей используют понятие, и это вредит каким-то строгим дефинициям. Еще Мэри Дуглас говорила, что для нее риск, связанный с политическим дискурсом, – не то же самое, что риск в терминах вероятности. В общем, риск просто современное слово для обозначения опасности, его более удобно, эффективно использовать для критики оппонентов, для нахождения виновных.

– Нет ли такой позиции, что о риске хорошо говорить, когда он представляет собой заметное событие? Когда у тебя множество рисков, то они складываются в одну длинную переменную неопределенности. Вы говорили, что у вас первый проект был посвящен тому, как освещались кризисы в России. При этом есть работа Ольги Шевченко¹¹, в которой она тоже изучала понятие кризиса. И вот у нее такой интересный вывод, что россияне, которые в 2008 г. столкнулись с кризисом, не переживали его как дискретное событие. Люди говорили: «у нас нет

кризиса, мы живем в условиях тотального кризиса, у нас постоянно неопределенность, у нас постоянно что-то происходит».

– Да, книгу, которая бы проблематизировала российскую историю понятия риска, еще только предстоит написать, и здесь явно у нас есть некоторая специфика. О похожем пишет Яницкий: Россия – это общество всеобщего риска, применительно к концу 1990-х – началу 2000-х годов. Не проводя интервью, он умозрительно приходит к похожим выводам о том, что риск – это часть реальности, в которой оказывается население нашей страны, где наслаиваются повседневные риски и риски, связанные с демодернизацией, забыванием старого и появлением нового, т.е. разного рода процессы. Что касается России, то, если мы понимаем риск достаточно узко в духе вероятностного подхода, риск в духе страхования, здесь у нас очень большая специфика. Мне пока сложно на эту тему дискутировать, я не изучал данный вопрос специально, но на интуитивном уровне можно заметить, что в России, например, страхование распространяется только тогда, когда становится обязательным. То есть какие-то такие косвенные свидетельства. Казалось бы, если ты живешь в местности, которая объективно подвержена наводнениям, то самым рациональным поведением будет застраховать личное имущество. Но массовым ответом на риск в нашем случае это становится редко. Более важными основаниями поведения оказываются бедность, надежда на государство, которое будет решать потом проблемы. А в риске помимо неопределенности есть еще идея принятия решения, т.е. это твое решение, которое ты принимаешь для того, чтобы взаимодействовать с этой самой неопределенностью. И, похоже, россияне по-прежнему надеются на авось, а не занимаются управлением рисками. Я здесь рассуждаю достаточно обыденно, как человек, который изначально заточен, с одной стороны, на теорию, с другой – на западный подход. Тем не менее, это важно для понимания таких феноменов, например, как оценивание ценности жизни...

– Расскажите, пожалуйста, о вашем проекте «Восприятие ценности жизни в ситуации риска: перспективы социологического анализа». Эта тема близка экономической социологии, она поднимается в одном из ключевых для нее текстов Вивианы Зелизер о страховании жизни¹².

– Да, работа Зелизер – прекрасный пример. Когда я перед интервью думал, какие есть точки соприкосновения между моими исследованиями и тем, что заинтересует читателей «ЭСфорума», Зелизер приходит в голову первой. Она, в том числе, развивает идею вероятностного мышления о риске, когда вдруг жизнь становится объектом иного отношения. Такая идея в одинаковой мере близка экономической социологии и социологии риска. Тем не менее сюжет моего исследования несколько иной. Здесь логичным кажется размышлять об индивидах, которые страдают в результате принятия каких-то решений, и ценность их спасения, а в итоге и жизни, на поверку оказывается разной. Однако я больше говорю не об этом. Мы имеем дело с теми случаями, когда люди массово гибнут в каких-то происшествиях, и мой вопрос здесь такой – обладает ли ценностью не только индивидуальная жизнь, но и социальные образования, которые оказываются в ситуации риска. Я имею в виду следующее: мы иногда (это было замечено еще чуть ли не Спенсером) приписываем ценность социальным образованиям, и это может вносить изменения в наше мнение о том, какие решения могут быть приняты. В конечном счете некоторые исследователи, обсуждая возможность геноцида или массового убийства людей, пытаются понять, с чем мы имеем дело. Есть даже феномен, который получил название Psychophysical Numbing¹³, и этот

¹⁰ Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction / Ed. by J.O. Zinn. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008.

¹¹ Shevchenko O. Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2009.

¹² Zelizer V. *Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1983.

¹³ Fetherstonhaugh D., Slovic P., Johnson S.M., Friedrich J. *Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical Numbing* // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1997. Vol. 14. No. 3. Pp. 283–300.

Numbing, который непонятно как переводить: «остолбенение», «ошеломление», я перевожу просто как «нечувствительность», понимая, что это не совсем точно. Мой проект об этом. Я пытался понять, что может способствовать тому, что некоторые социальные образования будут восприниматься как более ценные. То есть ценность жизни и ценность общества.

– Можете привести пример? Имеются в виду случаи, когда гибель семьи воспринимается как особенная трагедия в силу того, что данное событие приводит к прекращению существования рода?

– Да, меня интересуют риски, которые ведут к исчезновению целых социальных организмов. Но это только красивая гипотеза, она не подтверждается пока данными. Возможно, я слишком увлекся существующим в социальной психологии направлением, которое возникло в середине XX в. и сосредоточено на том, что некоторые группы могут восприниматься как самостоятельная реальность, как социальная единица. И как таковые они могут что-то делать, например, нести ответственность. Я не говорю о том, что индивидуальная ценность там снижается, нет. Скорее, некоторые характеристики самой группы могут привносить нечто дополнительное в наши суждения, в наше принятие решений, и это происходит автоматически, мы об этом не задумываемся. Например, на уровне повседневного дискурса террористы для нас – это не атомизированные акторы, а представители какой-то организации. В своем исследовании я использую метод виньеток, т.е. предлагаю респондентам оценить фиктивные примеры, скажем, представителей какой-то культуры или группы беженцев. В частности, пытаюсь понять, как характеристики этих коллективных единиц влияют на выбор социальных программ. И полученные пока данные свидетельствуют скорее о том, что эти характеристики влияют слабо. И, возможно, более важно здесь изучить характеристики тех, кто оценивает, или как параметры оценивающей группы соотносятся с признаками

оцениваемой группы, чего еще не было сделано.

– Правильно я понимаю, что методологически ваше исследование выстраивалось как экспериментальный план? Не могли бы вы в двух словах рассказать о том, как оно проводилось – все-таки это не самая частая схема организации социологического исследования.

– Идея очень проста. В качестве испытуемых выступали наши студенты, которым предъявлялся материал для оценивания. В нем содержалось описание группы людей, находящихся в ситуации бедствия. Например, жители города, которым угрожало затопление из-за взрыва ГЭС террористами. Или беженцы, покидающие место своего проживания из-за конфликта. Респондентам предлагалось оценить различные сценарии помощи, т.е. встать на позицию неких лиц, принимающих решение. Суть же в том, что варьировалось само описание этих групп пострадавших в зависимости от их степени «интегрированности», «сплоченности» или «целостности». Предполагалось, что этот фактор напрямую влияет на готовность помочь этим потенциальным жертвам. Впрочем, результаты пока скромные – описание действительно играет роль, но направление этого влияния может быть чуть ли не противоположным. Я здесь и не говорю о том, что возникают проблемы с тем, что из-за искусственности сценария достаточно сложно экстраполировать выводы, тем более что ситуации оценивают студенты, а что для них значат беженцы? Получается, что пока вопросов больше, чем ответов.

– Оказывают ли влияние результаты исследований риска на ваши жизненные стратегии? Вы – рискованный человек?

– В том-то и дело, что совсем нет. Возможно, из-за этого предметом моего интереса все время оказываются какие-то смежные темы, будь то ответственность или социальные образования как субъект, или комфортная для меня социальная теория.

Беседовала Елена Бердышева

Екатерина Ковалева

магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ

Марина Спирина

магистрант департамента социологии, стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Выбор тела в качестве объекта эмпирического анализа является относительно новым, но уже устоявшимся направлением в современной социологии. Количество академических работ, посвященных различным аспектам телесности, возрастает, что позволяет говорить о «телесном повороте» (*corporeal turn*) в социальных науках¹². Исследователи отмечают возрастающую значимость телесных практик как отправной точки для культурной и социальной идентификации в современном обществе, важность тела в потребительской культуре, медика-

¹ Shilling C. *Sociology and the Body: Classical Traditions and New Agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / Ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell. 2007. Pp. 1–18.*

² Witz A. *Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // Body and Society. 2000. Vol. 6. No. 2. P. 1.*

Репрезентация женского тела в современной йоге: новая феминность, технологии власти и технологии себя

лизацию телесного дискурса и появление новых форм заботы о теле³.

Одной из таких форм телесной заботы стала йога, под которой обычно понимается комплекс физических, ментальных и духовных практик, нацеленных согласно индийской философии (индуизм и буддизм) на трансформацию тела и души человека.

Популярность йоги в западных странах не вызывает сомнения. Так, в США около 20,4 млн людей практикуют йогу⁴, а в России йогой интересуются более 3,4 млн человек, а занимаются – 1,4 млн, что составляет 2,3% от взрослого городского населения⁵. В условиях стремительного распространения йоги на Западе и в России можно рассматривать ее в более широком контексте представлений о здоровом образе жизни, заботы о себе, дисциплине тела, а также направленной работы по улучшению физической формы и внешности⁶.

Согласно традиционной индийской культуре, йога нацелена в большей степени на трансформацию души человека, и лишь затем на работу с его физическим телом. Интересно, что в современном обществе практики йоги не столько сконцентрированы на сфере сакрального и духовного, сколько на области физического, общедоступного и коммерциализированного, а аутентичная практика йоги в Индии, ориентированная в основном на мужчин, превратилась в популярную физическую гимнастику с восточным колоритом для женщин по всему миру. Известно, что из всех практикующих йогу в России около 84% составляют женщины⁷, а у молодых людей йога ассоциируется почти исключительно с женской половиной населения⁸. В связи с этим нас интересует, как в обществе формируются представления о том, для кого и для чего предназначаются такие практики. И если модели тела, формируемые культурой и поддер-

живаемые массмедиа, являются инструментом для построения и закрепления гендерной идентичности человека⁹, то каким образом они участвуют в производстве гендерных стереотипов?

Мы полагаем, что изучение тела как культурного и социального феномена обязательно должно включать гендерный аспект¹⁰, особенно в случае фокуса на женской телесности, так как исторически именно восприятие женщины базировалось на том, что она находится во власти физиологии, телесных стандартов и канонов^{11,12}. Мы также предполагаем, что репрезентация женского тела в современной практике йоги свидетельствует об изменении гендерных стереотипных образов в массмедиа, а сама практика может быть как дисциплинирующей тело, так и освобождающей от навязывания стандартов красоты.

В нашем исследовании мы хотим понять, каким образом женское тело репрезентируется в современной йоге в России: отличается ли образ современной женщины, занимающейся йогой, от стереотипизированной и сексистской картины, навязываемой массмедиа? При помощи каких визуальных средств этот образ транслируется различными йога-школами? Как он может быть осмыслен теоретически с точки зрения практики дисциплины тела?

Предметом нашего исследования стала визуализация женского тела на веб-сайтах и в социальных сетях московских школ и студий йоги. Современные йога-школы и студии транслируют гендерные репрезентации, которые не только выражают определенные идеи и образы, но также и создают их, поэтому в качестве эмпирической базы мы взяли визуальный материал (фотографии, рисунки, посты, баннеры) веб-сайтов и групп в социальных сетях популярных йога-школ Москвы. Список из пятнадцати школ был подготовлен на основании двух рейтингов – журнала «Афиша-Город» и Forbes¹³. Были критически проанализированы более 500 визуальных

³ Howson A., Inglis D. The Body in Sociology: Tensions Inside and Outside Sociological Thought // The Sociological Review. 2001. Vol. 49. No. 4. Pp. 297–317.

⁴ New Study Finds More Than 20 Million Yogis in U.S // Yoga Journal. Dec. 5, 2012. URL: <http://www.yogajournal.com/uncategorized/new-study-finds-20-million-yogis-u-s/>

⁵ На 2 полугодие 2014 г. по данным TNS Marketing Index, репрезентирующие население России от 16 лет, проживающее в городах более 100 тыс. (см. Йога по графику. Исследование Yoga Journal // Yoga Journal. 2015. № 67. С. 42–45).

⁶ Гольман Е.А. Новое понимание здоровья в политике и повседневности: истоки, актуальные направления проблематизации // Журнал исследований социальной политики. 2014. Том 12. № 4. С. 509–522.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Отношение московской молодежи к йоге. Университет йоги в Москве. 2012. URL: niketan108.com/research-2.html

⁹ DeFrancisco V.P., Palczewski C.H., McGeough D.D. Gender in Communication: A Critical Introduction. L.: SAGE Publications, 2014.

¹⁰ Ваньке А. Мужская сексуальность в дискурсе журнала Men's Health // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы. Сборник под ред. Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 178–209.

¹¹ Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1995.

¹² Morgan K.P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6. No. 3. Pp. 25–53.

¹³ gorod.afisha.ru/entertainment/10-luchshih-mest-dlya-yogi-v-moskve/, URL: m.forbes.ru/article.php?id=63094

единиц, размещенных на изучаемых интернет-ресурсах за три месяца на момент проведения исследования (декабрь 2014 – февраль 2015 г.)¹⁴.

В первой части нашей статьи мы рассмотрим теоретические и методологические основания изучения телесных репрезентаций, а во второй покажем общие характеристики репрезентаций женского тела в современной йоге и соответствующий им образ новой феминности. Третья часть статьи посвящена тому, каким образом йога-школы Москвы используют различные визуальные стратегии телесных репрезентаций.

Репрезентация женской телесности: теоретический и методологический подходы

Теоретическая база исследования представлена, с одной стороны, традицией символического интеракционизма, а с другой – структуралистским подходом в социологии. Комбинация двух теоретических течений позволяет разработать методологический инструмент для комплексного анализа различных аспектов социального значения визуальных репрезентаций женского тела в современной йоге.

Сторонники символического интеракционизма понимают тело через метафору зеркала (*looking-glass body*), как рефлексивный акт рассматривания и взаимной интерпретации, выступающий важнейшей компонентой социального взаимодействия¹⁵. Используя терминологию Г. Мида, мы можем расценивать тело как социальную оболочку, состоящую из разного рода визуальных репрезентаций, которые также включают и репрезентации современной массовой культуры. С этой точки зрения гендерные репрезентации, транслируемые через массмедиа, являются особенно ценным предметом исследования, так как люди зачастую воспринимают навязываемые им образы как объективное отражение реальности¹⁶.

Символический интеракционизм в применении к визуальному анализу гендерных репрезентаций в массмедиа развивал в своих работах американский социолог Э. Гоффман¹⁷. Согласно Гоффману, презентация себя в повседневной жизни тесно связана с телесностью и «телесным представлением» (*bodily performance*), которые являются ключевыми факторами в формировании взаимных интерпретаций и впечатлений во время межличностной коммуникации¹⁸. Отмечая ключевую роль «телесного представления» в формировании идентичности индивида, Гоффман развил драматургическую интеракционистскую традицию, согласно которой тело система-

тически производится и воспроизводится в ритуализированных социальных и культурных конвенциях.

В своей знаменитой работе «Gender Advertisements» Гоффман предлагает новую традицию изучения визуального материала современной рекламы – «коммерческий реализм» (*commercial realism*)¹⁹. Основываясь на критическом анализе сотен изображений из модных журналов, социолог приходит к выводу о том, что в современном ему обществе потребления средства массовой информации активно используют стереотипные коды маскулинности и феминности. При этом именно женщина чаще всего представляется в неравной властной позиции, что визуально выражается в символической подчиненности мужчине. Гоффман вводит в анализ концепт *гендерного дисплея* – эмоционально мотивированного поведения индивида, которое упрощается, преувеличивается, и в конечном счете сводится к деперсонализированному социальному портрету²⁰. Гоффман выделяет пять основных уровней гендерного дисплея, посредством которых символическая субординация женщины может быть выражена визуально.

- *Относительный размер*: социальный вес индивида передается через его физический рост (женщины всегда изображаются ниже мужчин).
- *Женское прикосновение*: ритуальное нежное поглаживание женщиной себя или неодушевленного предмета в противоположность мужскому функциональному манипулированию предметами.
- *Функциональное ранжирование*: трансляция социальной иерархии через изображение гендерного разделения труда (мужчина выполняет основную активную роль, тогда как женщина – вспомогательную, за исключением обязанностей по дому и уходу за детьми).
- *Ритуализация субординации*: выражается через положение тела в пространстве, угол взгляда зрителя и выражение лица.
- *Выключение из ситуации*: женщина изображается «изъятой» из ситуации через такие приемы как закрытие части тела или лица предметами или руками.

Гоффман полагает, что стереотипизированный гендерный дисплей распространяется через средства массовой информации для поддержания традиционных социальных норм, касающихся взаимоотношений между мужчиной и женщиной (мужчина как кормилец и женщина как домохозяйка), однако он неизбежно содержит в себе сексистские и дискриминирующие практики.

Удивительно, что даже по прошествии более чем сорока лет выявленные Гоффманом закономерности продолжают доминировать в массмедиа, о чем свидетельствуют современные исследования гендерных репрезентаций²¹. Сформулированные Гоффманом закономерности верны и для современных российских реалий: во многих ис-

¹⁴ Осуществлялся сплошной отбор изображений со всех разделов сайтов и в лентах групп в социальных сетях за указанный период.

¹⁵ Wascul D., Vannini P. Introduction: Body in Symbolic Interaction // Embodiment. Symbolic Interaction and the Sociology of the Body / Ed. by D. Wascul, P. Vannini. Burlington, Hampshire, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2006. P. 5.

¹⁶ Barthes R. Image, Music, Text. L.: Fontana/Collins, 1997.

¹⁷ Goffman E. Gender Advertisements. N.Y.: Harper & Row, 1987.

¹⁸ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y.: Doubleday Anchor, 1959.

¹⁹ Goffman E. Gender Advertisements. N.Y.: Harper & Row, 1987.

²⁰ Ibid. P. 1.

²¹ См., например: Choi Y., Leshner G., Choi J. Third-Person Effects of Idealized Body Image in Magazine Advertisements // American Behavioral Scientist. 2008. Vol. 52. No. 2. Pp. 147–164.

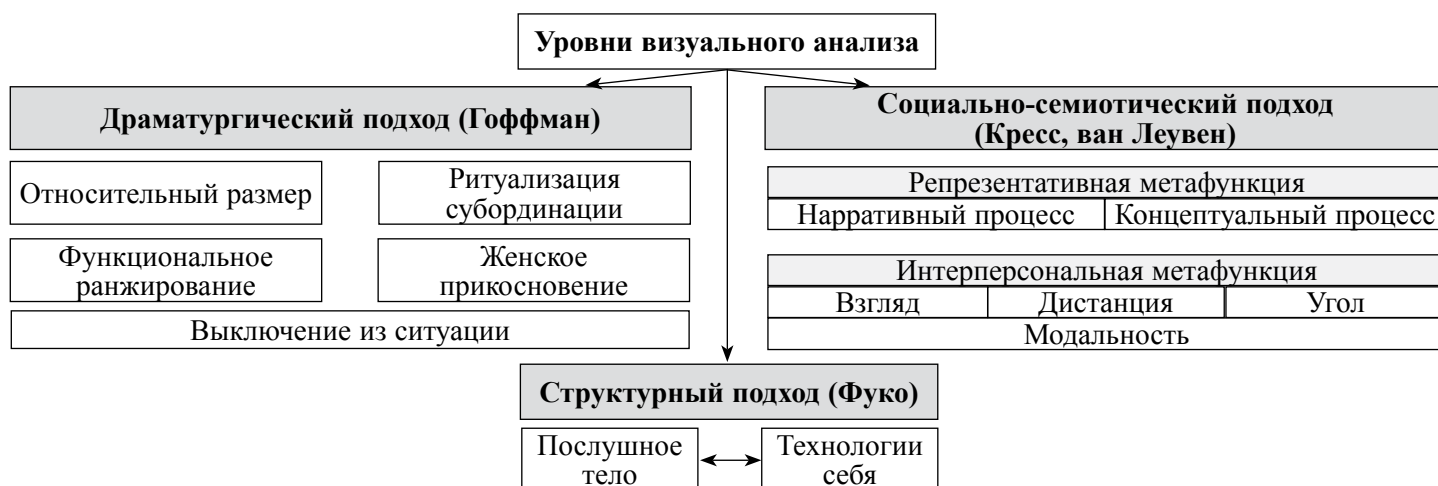

Рис. 1. Схема эмпирических индикаторов для визуального анализа репрезентаций

следованиях подчеркивается роль средств массовой информации в создании устойчивых представлений-стереотипов относительно социальной роли женщины как матери, домохозяйки или сексуальной красотки, модели, любовницы²². При этом отмечается коммерциализация женской красоты, что выражается в визуальной репрезентации женщины в качестве некоего товара, который является предметом купли-продажи²³.

В общем и целом символический интеракционизм фокусируется на том, как связаны телесность, представление себя и социальные конвенции, однако упускает из виду влияние социальных структур на индивидуальный телесный опыт. Теоретическая рамка структурализма подчеркивает важность социальных структур и отношений власти, которые формируют представления о телесности и определенные практики взаимодействия со своим телом, поэтому мы также обращаемся к концепции «послушного тела» (*docile body*) М. Фуко, в которой тело предстает мишенью власти, конструируемой обществом с целью сделать его социально продуктивным посредством политического дискурса²⁴. Дисциплина, по мнению Фуко, становится механизмом власти («технологией власти»), который регулирует поведение индивидов через организацию пространства, времени и деятельности для того, чтобы «нормализовать» индивида и сделать максимально полезным с точки зрения социума. Более поздняя фукодианская концепция – «технологии себя» – позволяет выявлять изображения образов тела, при помощи которых женщины конструируют себя в качестве субъекта.

Концепции Фуко были переработаны и взяты на вооружение феминистскими исследователями спорта, и мы опираемся на одну из них – концепцию П. Маркула (автора нескольких книг по социологии спорта), которая

²² Соколова Е.А. Образ успешной женщины в информационном пространстве современной России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 4. С. 114–116.

²³ Погонцева Д.В., Парфенова А.Е. Социокультурные особенности репрезентации образа женщины в СМИ // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/10512>.

²⁴ Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1995.

анализирует, как именно идеи Фуко были использованы в изучении женских спортивных практик²⁵. Она также проводит исследование популярной в США фитнес-практики «Гибрид» (Hybrid) – комбинации пилатеса, йоги и Тай-Чи с западной силовой тренировкой – с целью выявить возможности трансформации доминирующего дискурса женского тела²⁶.

Для того чтобы проанализировать репрезентацию женского тела на информационных интернет-площадках различных йога-школ, мы ввели понятие «визуальная стратегия», понимая под ним особую смысловую направленность подборки изображений, используемых йога-школами. Визуальная стратегия школ определялась по двум критериям: соответствуют изображения концепту «технология власти» (навязываемые нормативные образы тела) или концепту «технология себя» (ненормативные образы тела или избегание изображения тела вообще), а также типичны ли для подборки изображения женщин и мужчин. Конечно, визуальные стратегии связаны с позиционированием брендов йога-школ на рынке, однако имплицитно они отображают различные отношения к феминному телу, что мы и выявляем в процессе анализа.

Основываясь на описанных выше теоретических и методологических подходах, мы составили интегративную схему для эмпирического анализа репрезентаций женского тела в контексте современной йоги (см. рис. 1). Комбинация интеракционизма и структурализма позволяет привлечь во внимание различные аспекты социального значения визуализации женской телесности и осуществить более полный и всесторонний анализ репрезентаций. В дополнение к интеракционистской концепции «гендерного дисплея» Гоффмана и структурному подходу Фуко мы также включаем в анализ социально-семиотический инструмент, предлагаемый

²⁵ Markula P. Postmodern Aerobics: Contradiction and Resistance // Athletic Intruders: Ethnographic Research on Women, Culture / Ed. by A. Bolin, J. Granskog. Albany: State University of New York Press, 2003. Pp. 53–78.

²⁶ Markula P. “Tuning into One’s Self”: Foucault’s Technologies of the Self and Mindful Fitness // Sociology of Sport Journal. 2004. No. 21. Pp. 302–321.

Таблица 1. «Новая» феминность в йоге vs стереотипизированная феминность в массмедиа

Параметр для сравнения	«Новая» феминность в йоге	Стереотипизированная феминность
Общая роль	Отсутствие функционального ранжирования в соответствии с традиционными гендерными ролями; женщина как независимый персонаж и субъект действия	Женщина как домохозяйка, мать или эротизированный и объективированный объект
Красота	Естественная красота: присутствие несовершенств во внешности	Искусственная, «кукольная» красота: обычно лицо и фигура модели корректируются с использованием компьютерной графики
Внешность	Повседневная: естественный макияж, удобная практичная одежда, преобладают светлые нейтральные тона	Гламурная: яркий макияж, провокационная сексуальная одежда, яркие цвета, полуобнаженные части тела
Фигура	Спортивная стройная фигура, однако, некоторые несовершенности могут присутствовать	Идеальная фигура в соответствии со стандартом «90-60-90»
Сексуальность	Естественная сексуальность, отсутствие обнаженных интимных частей тела	Ярко выраженная сексуальность, нацеленная на потребление и объективизацию
Позы	Позы ориентированы на физические или ментальные йога-практики, отсутствует сексуализированный язык тела	Язык тела и позы сексуализированы
«Расчленение»	Женщина как целостный субъект; может присутствовать «расчленение» на глаза или руки (отсылка к душе)	Женщина – скорее объект, чем целостный субъект: характерно «расчленение» на сексуализированные части тела (грудь, ягодицы, губы, ноги)

Источник: Таблица составлена на основе аналитического сравнения выводов исследования Э. Гоффмана в работе «Гендерный дисплей»²⁹ и собственного анализа визуального материала на информационных площадках популярных йога-школ Москвы.

Крессом и ван Леувен²⁷. Как отмечают Кресс и ван Леувен, социальная семиотика предоставляет широкие методологические возможности для изучения визуального материала. Их методологический инструмент построен на двух важнейших метафункциях изображения: репрезентативной (принимая во внимание взаимодействие персонажей) и интерперсональной (сосредоточивающейся на отношениях между персонажами и зрителями).

Новая феминность в йоге

Как показал наш анализ визуальных изображений, типичные репрезентации женского тела в контексте современной йоги во многом не соответствуют стереотипизированному кодам феминности, выявленным Гоффманом и подтверждаемыми современными зарубежными и отечественными исследованиями женских репрезентаций в массмедиа. Таким образом, мы проводим разграничение между «традиционной» и «новой» феминностями, первая из которых соотносится с репрезентациями женского тела как пассивного и символически подчиненного, с ярко выраженными элементами сексистских кодов, тогда как вторая делает акцент на женском теле как на принадлежащем активному и осознанному субъекту. Под *новой феминностью* мы подразумеваем те тенденции в изображении женщин, которые выходят за преде-

лы традиционного феминного образа, и признаем тот факт, что «традиционная» и «новая» феминности не являются взаимоисключающими феноменами и могут существовать в публичном дискурсе одновременно. Так, дискурс «традиционной» стереотипизированной феминности продолжает преобладать в средствах массовой информации, тогда как одним из примеров развития дискурса «новой» феминности является репрезентация женского тела в контексте современной йоги.

Нами были получены четыре основные характеристики женских визуальных репрезентаций в современной йоге, которые представляют собой черты «новой» феминности в противоположность феминности «традиционной»²⁸. Во-первых, изучаемые изображения характеризуются ориентацией на индивидуальность и самодостаточность: обычно женщина выступает главным и единственным персонажем, выглядит спокойной и сосредоточенной. Современная женщина, занимающаяся йогой, ориентирована на свой внутренний мир, в котором нет места мужчинам, детям, заботам по дому и другим повседневным хлопотам. В отличие от стереотипизированных

²⁸ Основные характеристики «традиционной» феминности были заимствованы из анализа гендерного дисплея в массмедиа, проведенного Гоффманом (Goffman E. *Gender Advertisements*. N.Y.: Harper & Row, 1987).

²⁹ Гоффман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. Харьков: СПб., 2001. С. 306–335.

²⁷ Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. L.: Routledge, 2006.

женских изображений в массмедиа, йога рисует женщину не как домохозяйку или пассивный сексуальный объект, а как независимого и самодостаточного персонажа. Во-вторых, современная йога подчеркивает важность как физических, так и духовных компонентов, что выражается в четком визуальном разграничении: телесные практики репрезентируются через физические и силовые упражнения, тогда как ментальные смещают фокус на гармонию с внутренним миром персонажа. Так, физическая сторона йоги делает акцент на женщину как на активного и волевого субъекта в противоположность пассивной и декоративной роли, которая отводится представительницам прекрасного пола в массмедиа. Занимающаяся йогой женщина стремится контролировать свое тело, что может также выражаться в нарочном преувеличении ее физических возможностей: об этом говорят изображения «суперженщин», выполняющих экстремально сложные упражнения с видимой легкостью. В-третьих, важно отметить особый тип отношений изображаемой женщины с окружающим ее внешним контекстом, который обычно включает разнообразные природные элементы: траву, деревья, небо, воду, огонь (репрезентативная метафункция по Крессу и ван Леувену). При этом данный контекст не носит неодушевленный характер, а скорее воспринимается как живая и подвижная окружающая среда, с которой занимающаяся йогой поддерживает постоянную связь и взаимодействие. Типичными репрезентациями в этом случае являются изображения, близкие к мифологии или фольклору, на которых женщина предстает в полной гармонии с природой, подчеркивается ее естественная красота, иррациональность и эмоциональность, в противоположность искусственной «кукольной» красоте массмедиа. В-четвертых, стоит обратить внимание на характер взаимоотношений изображаемого персонажа со зрителем: если в репрезентациях массмедиа женщина беззащитна перед объективизирующим и бесцеремонным взглядом смотрящего, то в контексте современной йоги она выстраивает с ним отношения на равной основе (интерперсональная метафункция по Крессу и ван Леувену). Занимающаяся йогой уходит от пассивности во многом благодаря прямому визуальному контакту со зрителем:

она не избегает его взгляда, а смело и спокойно встречает его, предлагая начать коммуникацию на равных (в отличие от репрезентаций массмедиа, в случае которых наблюдатель занимает доминирующую позицию по отношению к женскому персонажу благодаря «выключению» его из ситуации). Также отсутствует какой-либо угол наклона – смотрящий и изображаемый персонаж находятся в ситуации, близкой к общению лицом к лицу без каких-либо видимых проявлений властного неравенства. Стоит добавить, что для современной йоги не характерны типичные для массмедиа изображения с откровенным сексуальным подтекстом.

Выявленные черты изображения женщины в контексте современной йоги вносят свой вклад в конструирование образа «новой» феминности, отличной от образа «идеальной» женщины в рамках «традиционной» феминности, пропагандируемой массмедиа. При этом мы предполагаем, что этот тренд является частью более широкого современного движения в сторону возвращения ко всему природному и естественному, следования здоровому образу жизни, а также потребления био- и экопродуктов. Основные измерения новой феминности в йоге в сравнении со стереотипизированным женским образом массмедиа представлены в табл. 1, а для более наглядного визуального сравнения мы предлагаем обратиться к рис. 2.

Визуальные стратегии йога-школ: технологии власти или технологии себя?

Разработанный Фуко концепт «технологии власти» акцентирует внимание исследователя на том, как современная йога предлагает работать над телом с целью его преобразования и совершенствования. С этой точки зрения, йога манипулирует, формирует и тренирует послушные тела, чтобы сделать их более умелыми, сильными и здоровыми, а инструкторы воспринимаются в качестве экспертов по техникам создания идеального тела. Таким образом, практика йоги может рассматриваться как инструмент биовласти и дисциплины, так как йога навязывает определенный образ жизни: диктует что делать, что употреблять в пищу и даже как лечиться. Фотографии занятий, мастер-классов, инструкторов и

Рис. 2. Новая феминность в йоге vs стереотипизированная феминность в массмедиа

<http://www.yogatatva.ru/news/Cemer>

Рис. 3. Пример опрессивного женского образа в визуальных стратегиях йога-школ

<http://blog-yoga.com/muzyka-dlya-jogi>

Рис. 4. Пример гендерно-нейтрального образа в йоге

<http://www.mos-yoga.ru/>

Рис. 5. Пример обращения к традиционным индийским образам в визуальных стратегиях йога-школ

участников образуют телесный канон – образ желаемого тела, который может привести к тотальному контролю над личностью с помощью тренировок и диет.

Концепт «технология себя» в интерпретации Маркула фокусируется на совершенно ином аспекте йоги – на практике заботы о себе, «стилизации себя» (создания из своей жизни произведения искусства), а также критическом осмыслении женщинами практик того, какие образы тела или поведения навязывается извне. Строительство нового тела в пилатесе или занятиях йогой само по себе не является «технологией себя», для этого, по мнению Маркула, необходим критический взгляд на способы конструирования собственного тела: «способность человека поставить под сомнение пределы своей природной тождественности – различать практики свободы от тех, которые укрепляют доминирующее дискурсивное конструирование гендера»³⁰.

Анализируя изобразительный материал, мы выделили две визуальные стратегии йога-школ, которые условно можно расположить на двух полюсах одного континуума: на одном полюсе находятся *фитнес-ориентированные* йога-школы, а на другом – школы, ориентированные не только на женщин, но и на мужчин, претендующие на преподавание «аутентичной»³¹ *йоги*. Визуальная стратегия фитнес-ориентированных йога-школ заключается в использовании преимущественно телесных образов, физических упражнений и поз (асан), изображений женщин – молодых, худощавых, в удобной спортивной одежде, с естественным макияжем, выглядящих счастливыми, удовлетворенными и спокойными. Акцент делается на спорте, физической активности, специальных женских практиках (йога для беременных, йога оргазма и т.д.). Этот тип школ обычно включает спа-процедуры, лаунж-зоны, косме-

³⁰ Markula P. “Tuning into One’s Self”: Foucault’s Technologies of the Self and Mindful Fitness // *Sociology of Sport Journal*. 2004. No. 21. Pp. 302–321.

³¹ Мы используем слово «аутентичный» в кавычках, так как йога сегодня – это довольно современное изобретение по мнению историков йоги (см., например: Singleton M. *Yoga Body: The Origins of Modern Posture Practice*. N.Y.: Oxford University Press, 2010), однако некоторые школы апеллируют, тем не менее, к текстам, описывающим традиционную практику, таким как «Бхагавадгита», «Йога-сутры» Патанджали и др.

тический кабинет и прочие варианты пассивного отдыха. Представленные женские образы близки к образам из журналов моды и могут считаться инструментами «технологии власти» в силу того, что они навязывают образы идеального тела, с которыми приходится считаться участникам.

Визуальные стратегии более «аутентичных» йога-школ включают образы индийских богов, гуру йоги, картины природы, фотографии мужчин и участников реальных занятий (не студийные фотографии), для них в меньшей степени характерны изображения, близкие к журнальным фотографиям и стереотипные гендерные образы, которые описывал Гоффман. Благодаря обращению к философскому подходу, традиционным книгам и «духовности» репрезентация практики становится близка к концепции «технологии себя». Образы женского тела в аутентичной йога-практике отличаются от образов в массмедиа или фитнес-ориентированных школах: типичны изображения немолодых женщин и женщин разной комплекции. Фокус на внутренней и ментальной работе приводит к отказу от изображения тела вообще, оно становится не таким важным, так как создание «идеального» тела не является целью подобных практик.

Сравнивая йога-школы, мы располагаем ближе к полюсу аутентичной практики школы, использующие индийские образы, обращения к индийским авторитетам и текстам, а к полюсу фитнес-ориентированной практики – школы, делающие акцент на здоровом теле и физических упражнениях. Помимо оси, описывающей направленность школ от фитнес-ориентированных до более аутентичных, мы ввели вторую ось гендерной специфичности (см. рис. 3, 4 5). Одни школы сосредоточены на практиках для женщин и эзотерических изображениях, другие же фокусируются на физических упражнениях для мужчин, есть также и варианты смешанной практики. Итак, используя две оси для анализа визуальных стратегий йога-школ, мы можем расположить их в системе координат, отделив образы специфичной женской гимнастики от женского йога-сообщества эзотерического толка, а репрезентацию исключительно физической практики гендерной направленности от аутентичной практики йоги как для мужчин, так и для женщин.

* * *

В контексте значительного роста популярности йоги в России и трансформации ее гендерной ориентации от преимущественно мужской практики к массовой женской изучение репрезентации женского тела представляется перспективным с точки зрения выявления основных характеристик современного образа женщины. Основываясь на теории и методологическом инструментарии символического интеракционизма и структурализма в социологии, мы описали ключевые характеристики женственности в йоге, которые отражают, по всей видимости, общий тренд современной репрезентации женского тела как естественного, близкого природе, активного и самодостаточного. Полученные выводы согласуются с современными тенденциями в развитых странах, такими как стремление заботиться о собственном здоровье и экологии, потреблять натуральные продукты питания и использовать органическую косметику, что, в свою очередь, отражают и одновременно поддерживают образы природы в рекламе, новых медиа, популярной культуре и виртуальном пространстве^{32,33,34}.

Мы также проанализировали визуальные стратегии школ йоги от фитнес-ориентированных с изображениями навязываемого нормативного тела к более «аутентичным» йога-студиям, которые сосредоточиваются на нефизической ментальной практике, не делая акцента на гендерных различиях. Результат предварительного анализа может быть углублен в дальнейших исследованиях с помощью других инструментов качественной методологии – включенного наблюдения на занятиях, интервью с участниками, инструкторами и идеологами школ.

³² URL: <https://ota.com/resources/consumer-attitudes-and-beliefs-study>.

³³ Cronon W. The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature // Environmental History. 1996. Vol. 1. No. 1. Pp. 7–28.

³⁴ The Routledge Handbook of Environment and Communication / Ed. by A. Hansen, R. Cox. L.: Routledge. 2015.

Летняя экономико-социологическая школа «Академические стратегии в трансформирующемся университете» – 2015

Тамара Кусимова

студентка департамента социологии, стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Пятая летняя школа Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ прошла в Учебном центре «Вороново» с 13 по 16 июля 2015 г. В этом году школу посетили 33 человека. Среди них – научные сотрудники ЛЭСИ, преподаватели кафедры экономической социологии, а также младшие сотрудники лаборатории – стажеры-исследователи и студенты старших курсов, заинтересованные в исследовательской деятельности.

«Летняя школа подразделения не может быть ничем иным, кроме поля рефлексии и проектирования собственной деятельности», – считает заведующий ЛЭСИ Вадим Радаев. Поэтому на повестке оказался вопрос, связанный с формированием индивидуальных исследовательских стратегий сотрудников лаборатории в меняющихся условиях внутри университета. До начала самой летней школы каждому из участников нужно было заполнить форму о будущих планах на ближайшие три года. Целью этого задания была не подготовка «формального отчета» или «информирование руководства», а попытка помочь в индивидуальном планировании и расставлении приоритетов. Как соответствовать постоянно растущим требованиям

к публикационной активности? Как найти общий язык с зарубежными коллегами? На эти вопросы искали ответы на пятой летней школе ЛЭСИ НИУ ВШЭ.

В программе летней школы нашлось место обсуждению многих вопросов, связанных с развитием учебных программ по социологии, тренингам, конкурсным отбором новых сотрудников из числа студентов старших курсов. Не обошлось и без неформальной части, а также совместного просмотра кино. Несмотря на серьезность поставленных задач, атмосфера выездной школы была неформальной, а общение – лишено той дистанции, что часто становится препятствием для продуктивной совместной работы.

Какой должна быть научная лаборатория?

Проектирование исследовательской деятельности в ЛЭСИ каждым воспринимается как сугубо индивидуальное дело. В свете этого возникает вопрос: как можно согласовать, «встроить» личную профессиональную траекторию в общий вектор развития лаборатории и всего университета? Какой может быть модель функционирования ЛЭСИ и как она согласуется с индивидуальными академическими стратегиями ее сотрудников?

Для того чтобы участники обозначили свое отношение к текущей ситуации, в качестве первого мероприятия выездной школы прошла специальная игра. Необходимо было разделить на пять групп, каждой из которых случайным образом предлагался схематично описанный формат лаборатории: 1) подразделение, полностью выстроенное под интересы приглашенного именитого ученого; 2) научный центр, реализующий долгосрочный исследовательский проект при поддержке западного фонда; 3) научный центр, деятельность которого строится во-

круг аспирантской школы; 4) российский партнер крупного европейского исследовательского центра; и, наконец, 5) лаборатория как площадка для реализации индивидуальных проектов. При этом каждая из участвующих в игре команд могла дополнить предлагаемый ей вариант собственными деталями, а по итогам обсуждения с коллегами в мини-группе подготовить небольшую презентацию сценария развития лаборатории с перечислением его слабых и сильных сторон. После коллективного обсуждения каждого из пяти сценариев участникам летней школы было предложено проголосовать за наиболее привлекательный и наименее удачный варианты. Самыми популярными среди сотрудников ЛЭСИ оказались два формата: лаборатория как площадка для реализации групповых и индивидуальных проектов и исследовательский центр, выстроивший институционализированное сотрудничество с равным ему

по силам европейским партнером. Наименее популярным вариантом у сотрудников ЛЭСИ оказался вариант международной лаборатории под руководством исследователя с громким именем. Судя по результатам голосования, для большинства участников возможность широкого выбора тем и наличие определен-

ной степени автономии в их выборе и формировании исследовательской стратегии оказалась одним из самых важных моментов.

После игры состоялось выступление руководителя лаборатории и первого проректора НИУ ВШЭ В. Радаева «Академические стратегии в трансформирующемся университете». Тему пятой летней школы во многом определили перемены, происходящие в ВШЭ. Вышка держит курс на создание исследовательского университета, включенного в мировую повестку, а новые ориентиры рождают новые вызовы, и попытки ответить на них могут быть весьма болезненными. Инициативы, связанные с этим, в первую очередь направлены на повышение качества кадров внутри университета. Внутренние реформы уже вылились в заметные новшества: создание «мегафакультетов», введение «майноров» для смешанных аудиторий разных факультетов, повышение требований к публикационной активности, а также введение единых контрактов для преподавателей и научных сотрудников. В этом контексте необходимо было дать установку на формирование индивидуальных стратегий – с учетом организационной «турбулентности» внутри вуза.

Чтобы участники школы смогли передохнуть после серьезных официальных мероприятий, вечером им было предложено поучаствовать в неформальном тимбилдинге, формат которого в этом году оказался музыкальным. Используя различные музыкальные инструменты, участникам нужно было попрактиковаться в координации коллективных усилий, интуитивно выстраивая общий ритм и мелодию.

Опыт старших и «борьба за студентов»

Второй день выездной школы был посвящен обсуждению индивидуальных стратегий. Первыми выступали старшие научные сотрудники лаборатории. Каждому было выделено время для презентации, цель которой – поделиться собственными исследовательскими, образовательными или ад-

министративными планами на ближайшие три года. В связи с задачами, поставленными в первый день, во время обсуждения творческих планов участники упор делали на то, насколько эти планы могут быть вписаны в общую траекторию развития ЛЭСИ. Первый момент, который отмечали многие, – это выбор тем. При выборе темы, особенно если речь идет о долгосрочном проекте, сложно руководствоваться чистой прагматикой – тема должна «проживаться» и совпадать с личными интересами исследователя. Кроме того, важны люди. Коллективные исследования – неотъемлемая часть любой научной деятельности, но каким должно быть разделение труда? Работа в тандеме, когда каждый из участников знает свои обязанности и сильные стороны – счастливый случай, но как организовывать удаленную работу с зарубежными коллегами? Обсуждались также моменты, связанные с интеграцией в международные академические институты – публикации на иностранном языке и участие в международных конференциях. Была затронута и актуальная проблема совмещения административной, научной и педагогической деятельности.

Кроме того, часть времени во второй день выездной школы была посвящена обсуждению более конкретных проблем, связанных с учебным процессом. Одним из ключевых вопросов для участников стала необходимость повышения интереса к экономической социологии у студентов с внешних образовательных программ. Если раньше такие дисциплины, как «Экономическая социология», «Социология рынков» предлагались в форме элективных курсов среди ограниченного числа дисциплин (как правило, двух или трех), то в ходе университетских трансформаций была введена экспериментальная система майноров.

Майнор представляет собой дополнительный блок дисциплин, который выбирается студентом после первого курса и изучается на протяжении следующих двух лет в углубленном формате. Майноры никак не ограничены тематически, что делает ситуацию куда более жесткой: конкурентами социологического блока дисциплин стали такие программы, как, например, «Интеллектуальный анализ данных», «Финансовые рынки» и «Менеджмент».

В качестве неформальной части вечером второго дня состоялся показ и обсуждение фильма А. Пархоменко «Излечить страх» (модератор – Иван Забаев, доцент Свято-Тихоновского университета). Сюжет может показаться весьма далеким от социологии – в его основе лежит драматичная биография советского хирурга-анестезиолога, ученого В.Ф. Войно-Ясенецкого, принявшего священный сан и подвергшегося за это репрессиям. Впрочем, по мнению аудитории, фильм воспроизводит тему не столько религиозного мученичества, сколько «жизненного пути». Казалось бы, причем здесь социология? – с таким вопросом обратился к аудитории модератор перед началом просмотра фильма. И

этот вопрос оказался краеугольным для всего обсуждения. Нуждаются ли подобные сюжеты в социологической интерпретации? Здесь столкнулись две точки зрения: с одной стороны, любая история может быть воспринята сквозь призму политической социологии (большая часть событий в фильме связаны с гражданской войной 1917–1922 гг.). С другой – этично ли использовать «беспристрастную» теорию относительно отдельной человеческой биографии, особенно, если она проникнута религиозной тематикой, отсылающей к чувственному, нерациональному опыту? Эти вопросы, возможно, достойные стать отдельной темой для исследователь-

ской работы, стали причиной жаркого спора в аудитории, в ходе которого аргументы каждой из сторон имели свою подоплеку – от классического либерального принципа «неприкосновенности частной жизни» до идеи о социальной сконструированности границы между «публичным» и «частным».

Младшие коллеги и подача на исследовательские гранты

Третий день был предоставлен младшим участникам школы – стажерам-исследователям и студентам – кандидатам в лабораторию. Для сотрудников, только начинающих свой путь в науке, важным моментом оказалась интеграция в академические институты – попадание в кадровый резерв, участие в первых зарубежных конференциях и получении грантов и стипендий. Помимо этого, в начале карьеры насущным вопросом остается поиск «своей» профессиональной темы – той, которая способна увлечь на продолжительное время. Не так-то просто совмещать начало академической деятельности с учебой в магистратуре или аспирантуре! В этом вопросе стратегии молодых сотрудников могут быть разными – кто-то старается прини-

мать участие в максимальном количестве мероприятий и конференций, а кто-то последовательно отбирает и разрабатывает темы в поисках «той самой», которая позволит раскрыть потенциал исследователя. Традиционная часть выездных школ ЛЭСИ – отбор новых стажеров для лаборатории из числа студентов, подавших заявки и прошедших собеседование для участия в летней школе. Наряду с уже действующими сотрудниками студенты, желающие присоединиться к коллективу лаборатории, также должны были подумать над своими академическими стратегиями и подготовить краткое выступление, рассказав о своих научных интересах и планах на ближайшие годы. После индивидуальных выступлений младших сотрудников и студентов состоялись коллективные презентации исследовательских проектов – основное задание, которое должны были выполнить студенты-

соискатели до начала летней школы. Предварительно им было задано три направления – неформальная экономика, социология организаций и социология потребительских рынков, причем выбор конкретной темы и проблематики исследования оставался за участниками команды. Итогом коллективной работы должна была стать реальная заявка на грант. Таким образом, целью данного задания было не просто «придумать исследование», но попытаться согласовать его с реальными условиями ограниченности ресурсов и необходимости обосновать, почему ресурсы должны быть затрачены именно на этот проект. Всего было представлено три проекта – «Влияние государственной академической стипендии на учебную и научную мотивацию студентов», «Жизнь на две страны: социальный портрет армянского “отходника” в России» и «Импортозамещение программного

обеспечения как институциональный фактор развития университетов». Несмотря на обилие критики, два проекта были признаны удачными – и, что главное, реализуемыми на практике при должной доработке, ведь планка оценивания была заведомо поставлена высоко.

Итоговая рефлексия

В качестве церемонии закрытия в последний день выездной школы состоялся своеобразный сеанс «итоговой рефлексии». Скорее всего, невозможно разработать простую стратегию, связанную с согласованием индивидуальных академических траекторий, задач лаборатории и целей университета. Впрочем, как и невозможно увлечь одной-единственной исследовательской проблемой большой, зрелый научный коллектив. Тем не менее существует нечто более важное – коммуникация между участниками. У каждого из сотрудников ЛЭСИ множество идей, планов и проектов, реализовать которые в одиночку не представляется возможным, для этого нужны надежные партнеры. В этом отношении лаборатория выступает важным подспорьем. При этом коммуникация не должна замыкаться внутри одного коллектива. У Лаборатории экономико-социологических исследований есть более глобальная цель – формирование и транслирование определенного стандарта качества исследовательской и преподавательской работы вовне. Кроме этого, приоритетом по-прежнему является установление контактов с другими исследовательскими коллективами. Интернационализация по-прежнему остается одним из главных приоритетов лаборатории – этой теме даже была посвящена одна из выездных школ ранее.

Вместо заключения

Кроме формальных анкет о творческих планах, накануне выездной школы участникам были разосланы неформальные анкеты, вопросы в которых носили более общий характер. Аналитическое обобщение ответов на эти вопросы дало возможность сделать несколько интересных выводов. Первый вопрос ка-

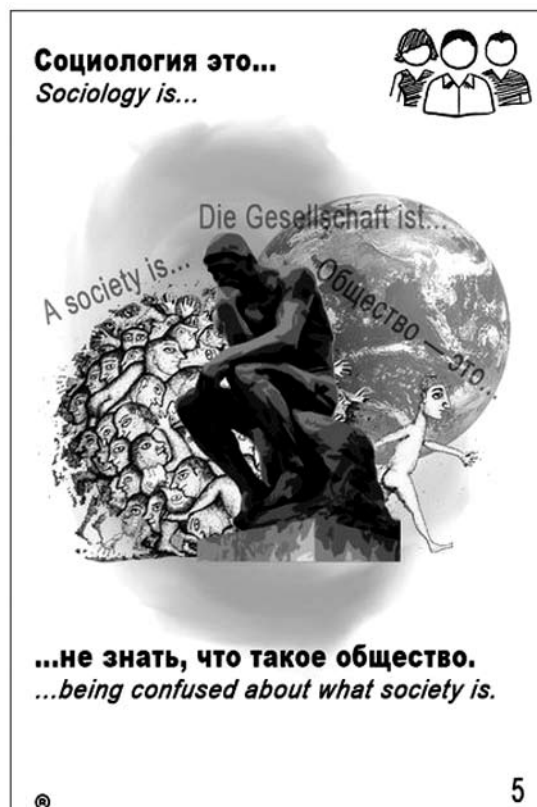
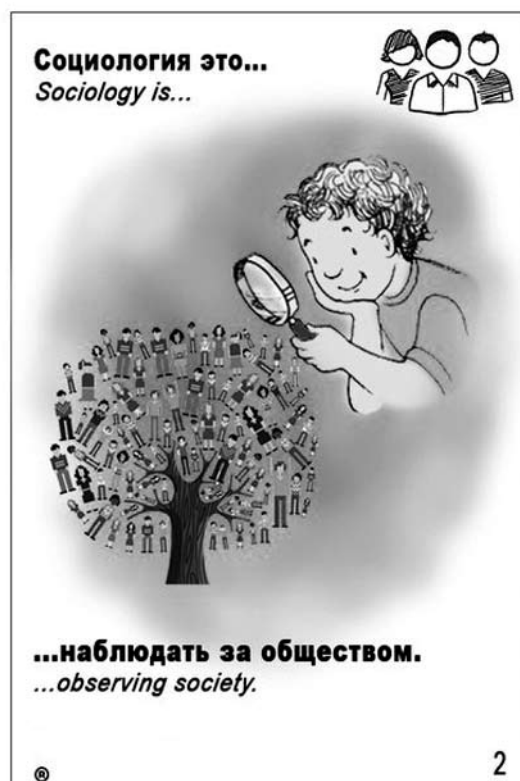
сался горизонта планирования: на какой срок строят свои планы сотрудники? При сопоставлении ответов старших и младших сотрудников лаборатории оказалось, что, несмотря на очевидную разницу в опыте, средние сроки планирования практически одинаковы – от одного года до трех лет. Еще один сюжет касался наличия какой-либо четко сформулированной цели в исследовательской деятельности (например, получение ученой степени, должности и др.). Предсказуемым образом, по сравнению с преподавателями среди студентов больше тех, кто представляет себе конечную цель своей деятельности – к примеру, получить магистерскую степень или завершить обучение в аспирантуре. Еще один вопрос был направлен на измерение такого качества исследователя, как упорство – способен ли человек отказаться от начатого проекта при определенных условиях? Оказалось, что почти все студенты могут отказаться от уже начатого проекта, преподаватели и старшие сотрудники же такой гибкости позволить себе не могут – более половины ответили, что ни при каких условиях не отказываются от начатых проектов.

* * *

Летние школы Лаборатории экономико-социологических исследований проходят с 2007 г. и уже превратились в традицию (но не в ритуал, лишенный рефлексии). Объективная польза информации о стратегиях других участников заключается, во-первых, в том, что каждый может скоординировать свои усилия и присоединиться к проекту коллег, а во-вторых – это имплицитно задает определенную планку, которой хочется соответствовать. Несмотря на то что темы и форматы каждой из школ различаются между собой, некоторые задачи остаются неизменными – коммуникация между участниками исследовательского коллектива, обмен мнениями о текущих событиях внутри университета и в мире, а также обсуждение дальнейших планов. В конечном счете, именно в предоставлении такой возможности и заключалась главная задача летней школы.

Социология это...

Социология это...
Sociology is...

...целую ночь вбивать данные.
...entering data all night.

©

Социология это...
Sociology is...

...просить родственников заполнить анкету.

...asking your relatives to fill out the questionnaire.

©

8

Социология это...
Sociology is...

...заманивать респондента на опрос тортиком.
...being lured into answering a survey for a cake.

©

Социология это...
Sociology is...

...объяснять друзьям, кем ты будешь работать после универа.
...explaining to your friends, what you are going to do after graduation.

©

7

Социология это...
Sociology is...

...королева наук.
...the queen of the sciences.

©

9

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
старший преподаватель департамента социологии,
старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Конобеева

аспирант департамента социологии,
стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Кирилл Гаврилов

кандидат социологических наук, доцент
кафедры анализа социальных институтов
департамента социологии НИУ ВШЭ

Екатерина Ковалева

магистрант департамента социологии
НИУ ВШЭ

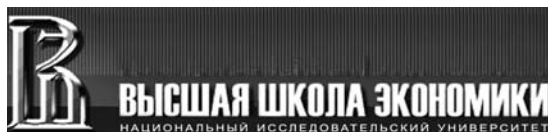
Марина Спирина

магистрант департамента социологии,
стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Тамара Кусимова

студентка департамента социологии,
стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>